

6. Полякова С.В. Незакатные оны дни: Цветаева и Парнок. Эл.ресурс: <http://brb.silverage.ru/zhslovo/sv/sp/?r=about&id=15>
7. Романова Е.А. Опыт творческой биографии Софии Парнок. «Мне одной предназначенный путь...». СПб., 2005.
8. Саакянц А.А. О любви. Эл. ресурс: <http://brb.silverage.ru/zhslovo/sv/sp/?r=about&id=4>
9. Свясов Е.В. Сафо и русская любовная поэзия XVIII – нач. XX вв. СПб., 2003.
10. Ходасевич В.Ф. София Парнок // Ходасевич В.Ф. Избранная проза в двух томах. Т.1. С. 202–204.
11. Цветаева М.И. Письмо к амазонке // Собрание сочинений в семи томах. Т. 5. М., 1994.

Л.Г. Мкртчян

Самарский национальный исследовательский университет

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ АРМЯНСКИХ БЕЖЕНЦЕВ В САМАРСКОМ КРАЕ В 1915-1920-х гг.

Армянская диаспора Самарского края приобрела юридический статус общины в период второй волны Геноцида армян 1918-1923 гг. Это было обусловлено резким увеличением численности диаспоры в связи с притоком беженцев из Армении. На основе хранящегося в ЦГАСО дела с паспортами армянских подданных [1] нами была создана база данных, с помощью которой удалось реконструировать социальный портрет армянских беженцев.

Архивные источники включают в себя 214 удостоверений армянских беженцев. Часть из них выдавалась за пределами России, другая же – в Самаре [1]. Удостоверения можно классифицировать по году их получения: общий период получения удостоверений – с 1915 г. по 1921 г. Из 182 беженцев, указавших год получения удостоверения, 146 (80%) указали 1919 г. 13 % беженцев указали 1920 г., 4% –1918 г. [1]. Период получения паспортов в Самаре составлял несколько месяцев оформления; в некоторых случаях они выдавались сразу.

Пик миграций приходится на весну 1919 г. в период массовых миграций преимущественно из Восточной Армении (Эриванской, Елизаветпольской, Карсской губерний), когда там происходили турецкие погромы после ухода русских войск в 1918 г. Местами выбытия армянских беженцев являлись Армения (181 человек или 84%), в том числе Елизаветпольская губерния (15 человек или 6%), Эриванская губерния (13 человек или 5%), Эрзерум (1%). 72% подданных Армении не указали конкретное место выбытия. Оставшаяся часть беженцев включала выходцев из Грузии (7%, в том числе

из Тбилисской и Кутаисской губерний) и Азербайджана (все 7% беженцев были из Баку) [1].

Параметр «Распределение армянских беженцев (глав семей, членов семей и одиноких) по полу» позволил определить численность армянских беженцев, данные о которых сохранились в архивных документах. Более половины беженцев (54% – 222 человека) составили мужчины, 35% (147 человек) – женщины, для 11% (44 человека, речь шла о детях) пол не был указан. Общее число беженцев составило 413 человек [1].

Семейное положение указали 39% армянских беженцев. Семья чаще всего состояла из близких родственников (родители, дети, дяди, тети). Почти половина (43%) не указала данных о семье. Поскольку графа «Семейное положение» могла пониматься в разных аспектах, некоторые беженцы писали, состоят ли они в браке или нет (женатые и замужние составили 4%, неженатые молодые люди – 9%, вдовы – 5%).

Отметим, что 89% владельцев удостоверений беженцев и получивших российские паспорта (то есть абсолютное большинство) указали свой возраст и возраст членов семьи. Преобладающую возрастную группу (62%) составляет молодое поколение от 20 до 44 лет [1].

Численность детей беженцев составила 103 человека, причем у 68% из них был указан возраст. Четверть из указавших возраст составили дети до 9 лет (13% – до 5 лет, 12% – 5-9 лет). Почти половину (43%) составили дети подросткового возраста (20%) и совершеннолетние (23%) [1]. То есть, большинство составили дети от 15 до 18 лет.

Следует отметить, что сохранилось лишь 11% заполненных армянскими беженцами анкетных листов иностранцев. В них указывался род занятий на родине и в России. Были указаны следующие занятия на родине: садоводство, учеба, служба, лесничество, чувяшничество (изготовление обуви), сапожничество, портновское и парикмахерское дело [1]. В Самаре их род занятий незначительно отличался от прежнего: 4 человека из 7, указавших род занятия «чувяшник», сохранили род деятельности в Самаре. 3 человека указали, что служат в Горпотребе. Также были указаны следующие занятия: служба на Самарской железной дороге, в Отделе военачальника Самары, в Самарском губернском бюро, парикмахерское дело, учеба, хлебопашничество, чернорабочий.

Анализируя данные из анкетных листов, можно заметить две особенности. Во-первых, в них избегали приводить данные, подтверждающие статус беженца. Под графой «Цель прибытия» указывались личные причины (учеба, служба и пр.). Однако имена заполнявших анкетные листы лиц были обнаружены и среди билетов и удостоверений беженцев. Например, Аваков Карапет Сергеевич в анкетном листе указал, что в Россию прибыл в 1905 г. по работе [1, л.29]. Вместе с тем на его же имя есть билет беженца, выданный Самарским отделом Датского Красного Креста в апреле 1919 г. [1, л.76].

Во-вторых, указывалась лояльность по отношению к советской власти, которую было необходимо подтвердить через организации или конкретных людей. Это наводит на мысль о том, что власти было удобнее не афишировать вопрос об армянских беженцах и масштабах проблемы в условиях заполненности Самары тысячами различных беженцев.

Таким образом, архивные данные позволяют сделать вывод о том, что армянские беженцы с семьями стали массово прибывать в Самарский край в 1919 г. Центром прибытия была Самара, но беженцы были также во всей Самарской губернии и сопредельных регионах. Армянские беженцы были выходцами преимущественно из Восточной Армении. По социальному составу это были представители средних ремесленных слоев, в основном молодого поколения. Четверть от общего числа беженцев составили дети (до 5 лет и подростки).

Библиографический список

1. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф.Р-193. Оп.4. Д.8.

А.В. Бочарова

Самарский национальный исследовательский университет

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО ГОРОДА В 1920-Е ГОДЫ (НА ПРИМЕРЕ САМАРЫ)

Революционные события 1917 г. и последующее формирование советской государственности являются одним из самых драматичных периодов в истории взаимоотношений религиозных институтов и государства в нашей стране. После захвата власти, большевики были вынуждены обратиться к сознанию той части общества, которая придерживалась религиозных обрядов. Этот традиционно ориентированный социум являлся основой в российском государстве и главной задачей власти было заменить религиозную обрядность русского народа на идеологию марксизма, затронув при этом все слои общества, все народы и конфессии.

Уровень религиозности населения Российской империи до революционных событий 1917 г. несомненно, был достаточно высок, однако процесс секуляризации жизни, начавшийся еще с середины XIX века, не мог не повлиять на ослабление значения религиозных обрядов и освобождение от власти религиозных запретов большинства населения страны [8, с.326]. К 1916 г. по данным Синода, происходило массовое отпадание от веры [1]. Наблюдалась тенденция индифферентного отношения к православию со стороны крестьянского населения. Конечно, еще по-прежнему